

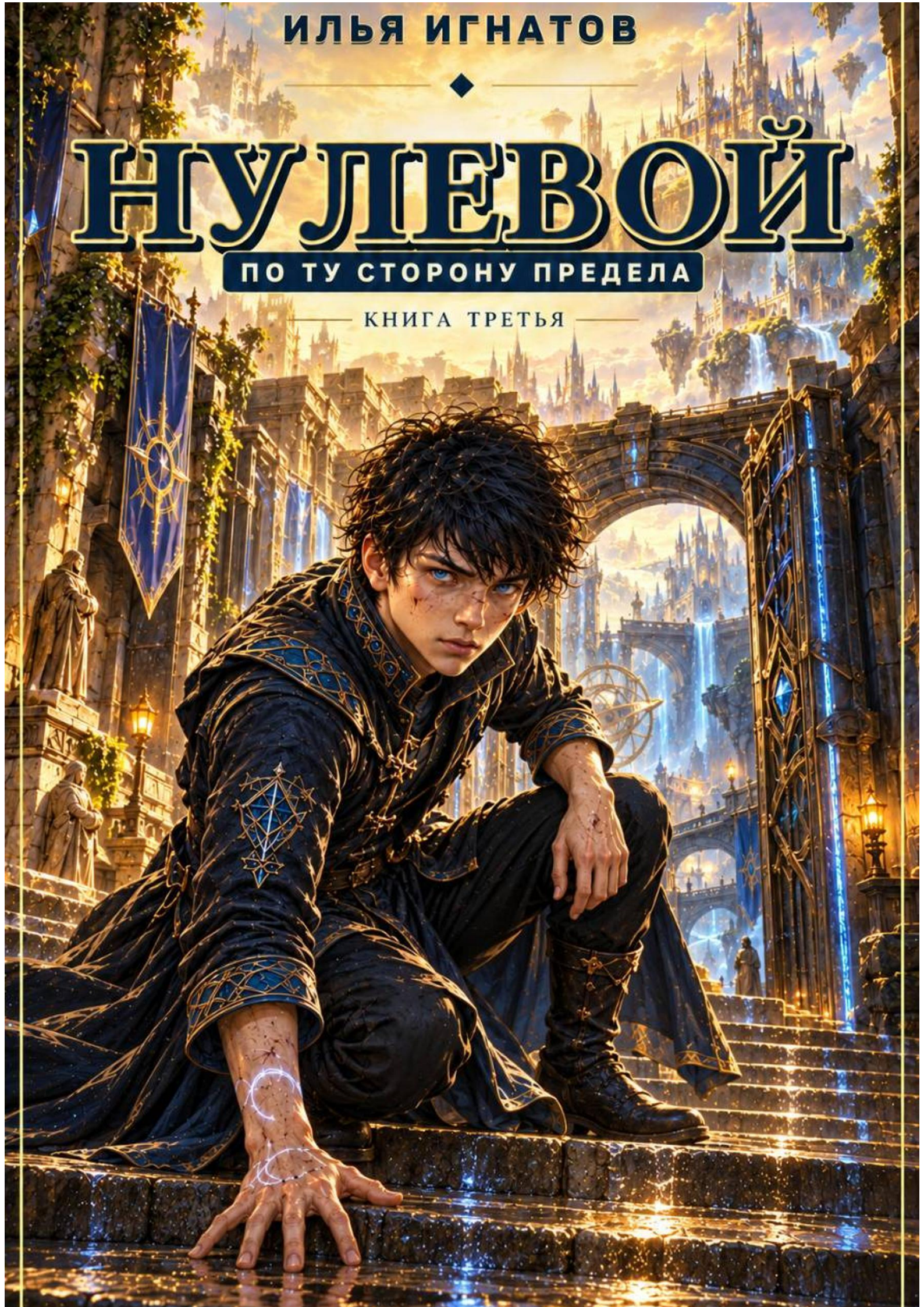
ИЛЬЯ ИГНАТОВ



НУЛЕВОЙ

ПО ТУ СТОРОНУ ПРЕДЕЛА

КНИГА ТРЕТЬЯ



Илья Игнатов

**Нулевой. По ту сторону
Предела. Книга 3**

«Автор»

2026

Игнатов И.

Нулевой. По ту сторону Предела. Книга 3 / И. Игнатов —
«Автор», 2026

Лиор Сааль жива. Из глубины под Академией Предела пришло её предупреждение: не открывать следующий проход. Кир Астор и его друзья готовятся спуститься туда, где исследования Нулевой тропы продолжались после официального закрытия. За внутренними воротами ждёт человек с замкнутым кругом. Он готов предложить Киру силу и устойчивость, о которых тот когда-то мечтал. У этой помощи есть цена. Скрытой под городом установке нужен живой носитель, и спасение Лиор может закончиться тем, что её место займёт Кир. Человек, обещающий завершить его круг, уже разучился отпускать людей. Кир привык бороться за каждый новый след. Теперь путь наружу может потребовать отказа от силы, которую он так долго учился удерживать. И когда привычная защита исчезнет, останутся друзья, которым придётся доверить следующий шаг. Третья книга серии «Нулевой».

© Игнатов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свежий номер	6
Глава 2. Опора под рынком	11
Глава 3. Плата за свет	16
Глава 4. Ответ Вейра	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Илья Игнатов
Нулевой. По ту сторону Предела. Книга 3

Нулевой. По ту сторону Предела

Илья Игнатов

Книга третья

Глава 1. Свежий номер

Сорен попросил включить запись в третий раз.

Ивена убрала руку с пластины.

— Теперь отправим ответ.

Он посмотрел на неё так, словно она закрыла перед ним дверь. Потом медленно выпрямился. На столе остались влажные отпечатки ладоней.

Кир всё ещё держал Тейру за руку. Её большой палец лежал на костяшке его указательного. За окном бумажная птица перестала биться о стекло и села на карниз. Кто-то изготовил её для передачи записок, но записка давно выпала, а птица продолжала искать получателя.

— Что можно передать? — спросил Кир.

— Голос. Не больше восьми дыханий подряд. После этого накопитель должен остыть.

Ивена подвинула к Сорену чистый лист. Тот не взял перо.

— Лиор. Я здесь.

— Это начало, — сказала Ивена. — Дальше?

Сорен закрыл глаза. Кир впервые видел, чтобы преподавателю не хватало слов. Обычно у него находилась короткая фраза даже для самых неприятных вещей: сломанной руки, чужой лжи, проигранного боя. Сейчас он несколько раз втянул воздух и выговорил:

— Я слышал. Следующий проход закрыт. Мы придём.

— Мы готовим помощь, — поправила Ивена. — Дату ты пока не знаешь.

Сорен кивнул. На этот раз сразу.

Писец за соседним столом записал обе фразы, зачеркнул вторую и придвинул лист для подписи. Его обычное перо было испачкано чернилами почти до половины. В кабинете нашлось достаточно магии, чтобы услышать человека из глубины, но свежий номер запроса он вывел от руки.

Ивена достала мешочек с костяными плашками. Кир видел такой у лекарки: плашки перемешивали, чтобы ученик не мог выучить порядок карточек с симптомами. Она вытянула три штуки, положила перед собой.

— Семь. Два. Девять. Лиор должна назвать их в обратном порядке. Порядок выбрали после получения её сообщения.

— Ты уже проверяла номер, — сказал Сорен.

— Проверяла отправителя. Теперь нам нужна действующая связь.

На пластину легла ладонь. Под ободом проступил свет, слабый, как заря в щели ставни.

— Лиор Сааль. Это Ивена Рей, Палата мер. Мы услышали предупреждение. Внутренний проход закрыт. Сорен рядом. Новый запрос: семь, два, девять. Ответьте в обратном порядке. Затем скажите, что нельзя менять до нашего прихода.

Она убрала руку.

Сорен наклонился к пластине.

— Лиор, я здесь. Мы готовим помощь.

Свет пропал раньше, чем он выпрямился. Кир услышал лёгкий щелчок. По медному ободу побежала капля воды: писец подлил её в охлаждающую чашку. От этого простого движения стало немного легче. У чашки были сколотый край и знакомая ручка. Ею можно было заняться, когда всё остальное оставалось неизвестным.

Они ждали.

На лестнице кто-то спорил о пропавшем котелке. У одного из спорящих голос всё время перескакивал на свист. Дар, подумал Кир, потом поймал себя на том, что думает о чужом даре только ради возможности отвлечься.

На одиннадцатом делении часов Сорен сказал:

— Я могу пройти до Приёмной сейчас.

— Можешь, — ответила Ивена. — Там дежурят мастера. Внутренние врата они не откроют.

— Я знаю старый путь.

— Ты знаешь схему старого пути.

Тейра слегка сжала пальцы Кира. Он и сам уже собирался сказать, что пойдёт. В животе возникло знакомое горячее желание: подняться, получить ремень, сделать хоть что-нибудь, пока другие смотрят на часы. Под повязкой потянуло ребро. Кир выдохнул осторожно.

Вейр стоял у шкафа с изъятými отчётами. Он пришёл, когда запись уже звучала, и до сих пор не произнёс ни слова. Серебряная нить на воротнике была распущена у одного плеча; раньше Кир не замечал на его одежде таких мелочей.

— В старой схеме нет помещений за второй перегородкой, — сказал он. — Их добавили позже.

Сорен повернулся.

— Ты знал?

— Знал, что собирались добавить. Не знал, что построили.

— Это должно быть в переданных записях, — сказала Ивена.

— Есть. В предпоследней тетради, с серой обложкой. На полях отмечен возвратный канал.

Писец встал, отпер шкаф обычным ключом и вытащил тетрадь. Сорен смотрел на Вейра. Между ними было слишком много вещей, о которых нельзя спросить одним вопросом.

На двадцать втором делении пластина кашлянула.

Все двинулись одновременно. Ивена подняла ладонь, останавливая их. Писец успел пере-
ставить охлаждающую чашку. Голос пробился через хруст, будто кто-то говорил за стеной, которую медленно осыпали камнями.

— Девять. Два. Семь.

Сорен сел. Стул скрипнул так громко, что Кир испугался: пропустят следующее слово.

— Не переводите... нижнюю... слышите? Питание отвода оставьте. На нижнюю шину не переводите.

Ивена записывала сама, быстро и неровно.

— Сколько времени? — спросила она, снова коснувшись пластины.

Ответ пришёл не сразу.

— Пока держится. Не знаю.

Женщина дышала с хрипом. За дыханием Кир слышал ровное щёлканье. Четыре щелчка, пауза, ещё четыре. Оно не совпадало с тяжёлыми ударами в первой записи.

— Отметьте этот звук, — сказал он писцу.

— Лиор, — начал Сорен.

— Потом. Сорен... потом.

Связь оборвалась. На медном ободе выступила ещё одна капля, крупнее первой.

Вейр наклонился над серой тетрадью. Кир подошёл ближе, оставив Тейре возможность отпустить руку. Она отпустила, чтобы достать собственный блокнот.

На странице были изображены две линии, между ними — короткая лесенка. Подпись возле лесенки выцвела. Вейр провёл пальцем по бумаге, не касаясь чернил.

— Нижняя шина принимает поток после закрепления. Отвод обходит её.

— Что случится, если перевести? — спросила Тейра.

— Аварийная нагрузка попадёт в рабочие связи.

— В какие?

— По этой схеме — во все, которые ещё подключены.

Кир увидел, как у Сорена двинулась челюсть.

Ивена не стала спрашивать снова. Вызвала помощника, велела передать предупреждение мастерам Приёмной и запрет на переключение по старым распоряжениям. Вторую копию отправила в городскую службу Равеля. Писец поднял голову.

— Город тоже?

— В отчётах есть поставки городским мастерским. Пусть проверяют приёмники, которые используют старые линии Академии.

Пока помощник переписывал приказ, бумажная птица на карнизе ожила. Писец открыл окно, вложил записку в щель на её груди и провёл по сгибу. Птица клюнула его палец, будто припоминая прошлое ожидание, и улетела.

— Тейра, ваши отводы после обследования прошли осмотр? — спросила Ивена.

— Да. Две пластины негодны. Остальные можно использовать после замены креплений.

— Селлу пригласят. Сегодня только расчёт.

Кир посмотрел на свои ладони. Белый незамкнутый круг едва просвечивал под кожей. Он не потеплел, когда Лиор назвала числа, и не изменился после запрета. Сигнал шёл к пластине, а не к нему. Кир ощутил неожиданную благодарность за это: женщине не требовалось угадывать его настроение, чтобы быть услышанной.

Он попросил копию страницы с лесенкой.

— Для чего? — спросила Ивена.

— Сравнить с отметками на нижней стороне стола. Там был похожий знак.

Вейр посмотрел на него, потом достал ещё один лист. На этом рисунке лесенка оказалась повёрнута набок.

— Возьми оба. Первый — проект. Второй — поправка. Если встретишь различие, отмечай оба варианта.

Раньше он, наверное, дал бы один. Кир не сказал этого вслух.

Когда их отпустили, в коридоре стало тесно. Мастера несли длинный короб, у одного из них под мышкой торчал хлеб. Лекарка, шедшая навстречу, остановила Кира взглядом раньше, чем он успел объяснить, куда торопится.

— Не тороплюсь, — сказал он.

— Вижу. У тебя даже лицо не торопится. Одни ноги.

Она заставила его пройти до окна и обратно. Проверила дыхание, осторожно нажала над повязкой. Кир стиснул зубы.

— Вот и ответ, — сказала лекарка. — Завтра можешь сидеть над своими бумагами. Носить бумаги будет кто-то другой.

Сорен подошёл сзади.

— Я понесу.

Она посмотрела на него дольше, чем на ученика.

— А тебе сегодня советую поспать. Это распоряжение без печати, но вполне настоящее. Сорен взял листы. Лекарка ушла, не дожидаясь благодарности.

Внизу их встретила Селла. Она бежала по лестнице, держась одной рукой за стену. Зелёная нить от её пальцев тянулась к раскрытому мешочку и не давала высыпаться медным скобам.

— Живая? — спросила она.

Кир кивнул.

Селла села прямо на ступеньку. Нить погасла, и скобы всё-таки рассыпались. Тейра опустилась рядом и начала их собирать.

— И разговаривает? — спросила Селла.

— Ответила на новые числа, — сказал Кир. — Просила сохранить отвод.

— Значит, надо понять, где он заканчивается.

Она потёрла лицо. На щеке осталась зелёная полоса от чернил. Подняв последнюю скобу, Тейра протянула её подруге.

— Сначала поедим.

Селла собиралась возразить. Потом посмотрела на хлеб, всё ещё торчавший у проходящего мастера, и вздохнула.

В столовой уже убрали часть столов. Комендантша поймала Сыта у корзины для использованных талонов и сунула Киру за пазуху. Нитекус возмутился всеми восемью лапами. Его средний глаз был сонный, два боковых внимательно искали новую бумагу.

— Я же оставила ему обрезки, — сказала Тейра.

— Хорошие. Поэтому он сперва съел плохие, чтобы хорошие сберечь.

Кир сел осторожно. Сорен положил копии схем на свободный стул, подальше от Сыта. На ужин достались густой суп, лепёшки и последнее яблочное варенье. Селла сначала объявила, что сладкое не хочет, потом доела остаток ложкой, которой мешала суп. Тейра промолчала. Кир тоже решил, что сегодня это не заслуживает замечания.

Они несколько минут говорили о варенье. О том, что повар обещал печёные яблоки, а получил кислые и превратил обещание в банки. Сорен слушал. Когда Сыт попытался стащить бумажный колпачок с солонки, преподаватель поймал его быстрее, чем Кир успел поднять руку.

— Этот с солью, — сказал он.

Нитекус понюхал колпачок, перестал бороться и выразительно отвернулся.

После ужина Тейра помогла Селле унести короб с отводами. Кир остался у окна. Внизу двигались огни подвесного трамвая. Он различал городские мосты, тёмные крыши и красильню, где ещё сушили длинное полотно. Где-то там Нэра, возможно, готовила чай и ругала внука за позднюю партию.

Сорен остановился рядом.

— Я действительно мог бы пойти сегодня, — сказал он.

Кир молчал. Он не знал, нужно ли отвечать.

— И мне пришлось бы открыть то, что она просила оставить закрытым.

— До Приёмной можно, — сказал Кир. — Ты сам говорил.

— До Приёмной мне сейчас мало.

Они смотрели на трамвай. Маленький вагон остановился у нижней площадки. Из него высыпали пассажиры, каждый со своей сумкой, корзиной, ребёнком за руку. Кир попробовал представить, как та же площадка выглядит, когда свет исчезает на девять ударов сердца.

— Когда Рон закрыл мастерскую, я тоже хотел, чтобы дверь сразу открыли, — сказал он.
— Что угодно потом.

Сорен повернул голову.

— Это была другая дверь.

— Знаю.

Преподаватель потёр шрам на левой руке, давно привычным движением.

— Я постараюсь не сделать хуже только потому, что больше не умею ждать.

Кир кивнул. Он не стал обещать то же самое. За сегодняшний день ему уже несколько раз хотелось подняться и пойти вниз, хотя это желание не добавило ни одного полезного шага в схему.

В комнате он открыл Карту Шрамов. Страницы с последним боем ещё пахли лечебной мазью. Кир нашёл чистый разворот и написал числа: семь, два, девять. Под ними — ответ. Потом четыре коротких черты, пробел, ещё четыре.

Сыт устроился на одеяле и взял в лапы разрешённый обрезок бумаги. Держал его как лепёшку, обкусывая по краю. Кир наблюдал, пока белый прямоугольник не стал круглым.

Он написал Талверу короткое письмо. На этот раз первая строка была точной: «Ребро ещё болит. Я не тренируюсь. Мы слышали человека, которого искали». Остановился, перечитал и добавил: «Я пока работаю с бумагами».

На мосту ударил колокол.

Не вечерний, с длинным мягким звоном. Три коротких удара, пауза, ещё три.

Кир подошёл к окну. Над нижней грузовой площадкой Равеля зажёгся красный огонь. Вагон трамвая оставался неподвижным. Люди, ещё недавно расходившиеся от него, теперь бежали в одну сторону.

У двери слышались шаги. Тейра вошла с уже надетым ремнём для пластин.

— Отказал городской приёмник, — сказала она. — Ивена собирает мастеров. Сорен сказал: ты можешь ехать, если лекарка подпишет наблюдение.

Кир посмотрел на письмо, затем на красный огонь.

— Я её найду.

— Она уже внизу. И сразу велела передать, что бегать ты не будешь.

Тейра взяла со стула его пальто. Кир надел его медленно, придерживая повязку. Листы со схемами она сложила в свою сумку.

Когда они вышли, красный огонь горел ровно. Под ним продолжал жить город, в который Лиор только что попросила не переводить поток.

Глава 2. Опора под рынком

На нижней остановке пахло мокрой шерстью и горелым луком. Пассажиров высадили раньше: дальше вагон мог пройти только налегке. Возница трамвая переставлял грузики у ручки, проверяя, удержится ли подвес на запасном питании. Магическая печать на его запястье светилась нормально.

Это Кир заметил первым.

Лекарка шла рядом и несла его разрешение так, словно боялась, что он сейчас выхватит лист и превратит наблюдение в поединок. У грузового рынка она посадила его на скамью возле стены.

— Здесь. Если потребуется отойти, скажешь мне.

Сорен показал место, откуда можно было выйти на соседнюю улицу, не пересекая площадку. Затем забрал у Тейры сумку со схемами и положил её Киру на колени.

В середине рынка стояла грузовая опора. Обычно её окружали тележки: мастер отмечал печатью нужный груз, платформа приподнималась, и люди без труда перекатывали корзины на верхний ярус. Сейчас платформа косо висела над ямой. Одним краем она упёрлась в стойку, другим задела деревянную крышу лавки. Под крышей пицчала женщина. Её уже вытаскивали через боковую дверь.

От опоры к приёмнику шла блестящая полоса. Кир сперва принял её за пролитую воду. Потом увидел, как капля, упавшая с навеса, подпрыгнула на ней и превратилась в пар.

Из ямы под платформой поднялась железная дуга.

Она росла медленно, собираясь из плоских рёбер. Между ними натянулись тёмные жилы. Два коротких рычага упёрлись в край ямы, и над камнем появилась голова без лица: овальная пластина с тремя отверстиями. Из среднего выходил белый свет.

Мужчина с мастерской сумкой шагнул вперёд.

— Убери верхнюю скобу, — сказал он. — Я сменю приёмник.

Дуга качнулась. Камни под ногами мужчины вздрогнули. Он отлетел спиной к мешкам с луком, и сумка раскрылась в воздухе.

Тейра схватила Кая за рукав, удерживая от шага на блестящую полосу.

— Горячая.

Кай посмотрел на полосу, на яму, на место падения мастера. Поставил левую ногу вплотную к каменной тумбе.

Дуга повернулась к нему.

— Разбор рабочего контура запрещён, — произнесла она.

Голос шёл из грудной решётки, ровный и негромкий. Так могла бы говорить стенка шкафа, если бы внутри кто-то остался.

— Грид, мастер городской подъёмной службы, — сказал мужчина у мешков. Он сел, придерживая локоть. — Рабочий контур остановлен. Здесь люди.

— Поддержание подтверждено.

— Чем подтверждено? — спросил Сорен.

Белый свет повернулся к нему.

— Нижний возврат.

Селла опустила свой короб на сухой камень. Под крышкой лежали пластины, скобы и моток тонкой проволоки. Тейра начала проверять крепление на правом предплечье.

— По поручению комиссии, — сказал Сорен. — Только открыть мастеру проход. Грид, что вы меняете?

— Медный стакан справа. Вон крышка с ребром. Старый набрал слишком много, треснул. Опора потому и перекосилась.

— Можно работать, не касаясь линии?

Грид поднялся. Его рукав был разорван, но пальцы двигались.

— Можно, если эта железная дрянь даст мне полминуты.

Ивена стояла у края рынка с начальником стражи. Она не стала рассматривать дугу с близкого расстояния. Распорядилась убрать людей из лавок, запретить трамвайному вознице питать подвес от грузовой ветки и поставить на оба входа обычные ограждения. Мужчины тащили лавочные столы; продавец лука сначала попытался спасти мешки, потом увидел женщину, которую выносили из-под крыши, и принялся помогать.

Кир развернул схему на коленях. В листе Вейра лесенка шла к широкому прямоугольнику. В исправленном варианте к тому же прямоугольнику подсоединили боковую линию. Такую линию он видел сейчас: она выходила из земли под южной стойкой и уходила в арку рыночного склада.

— Сорен!

Преподаватель обернулся.

— Боковая ветка. Она есть только в поправке. Кажется, страж держится за неё.

Грид посмотрел на схему издали.

— Через склад раньше кормили мастерские на верхней улице. Теперь там другое питание, но старую жилу оставили.

— Проверить, — сказала Ивена подошедшему помощнику. — Самим не переключать.

Дуга поднялась выше. Тёмные жилы между рёбрами натянулись. Правая рычажная лапа коснулась камня у Кая.

Кай направил короткий импульс поперёк её движения. Камень под его задней ногой хрустнул. Лапу отвело на полшага, и Тейра успела перебежать к стойке.

Следующий толчок пошёл через плиту.

Кир увидел его прежде, чем понял: край пыли поднялся ровной волной. Тейра повернулась плечом. На предплечье мелькнул медный отблеск.

Она устояла. Железная лапа дёрнулась от возврата. По лицу Тейры прошла судорога; левую руку она прижала к животу.

Селла дала команду. Зелёная нить легла на подготовленные контакты, соединив пластину с маленьким приёмником у короба. В приёмнике вспыхнула полоска, потом погасла. Запахло раскалённой монетой.

— Первый снят, — сказала Селла. — Тейра, отходи.

Тейра шагнула за стойку. Не к Гриду, хотя мастер уже двигался к крышке. На оставшийся в теле удар требовалось время.

Кай оттолкнул лапу второй раз. Сильнее, чем прежде. Его печать рвано засветилась. Дуга качнулась, но узел, соединявший её со стойкой, вытянулся и вернул корпус на прежнее место.

— Не корпус, — сказал Сорен. — Только руку.

Он сам вышел под платформу. Ухватился за толстый рыночный шест, оставленный возле навеса, поддел им рычаг. Дуга прижала дерево к камню. Шест согнулся.

Грид снял верхнюю крышку. Оттуда вырвался белый пар.

— Стакан распух. Не выходит!

Кай посмотрел на мастера, потом на железную лапу. Кир понял этот взгляд: хотелось дать один большой удар, который наконец сдвинет всё разом. Дуга держала платформу, платформа держала крышу лавки. Под крышей ещё оставался человек: двое стражников поднимали на носилках продавщицу, у которой была сломана нога.

— Верхняя стойка связана с лапой! — крикнул Кир. — Сильный толчок пойдёт в платформу!

Кай не повернулся. Только переставил ногу на целый камень и ответил:

— Вижу.

Следующий импульс был таким коротким, что Кир заметил его по движению рукава. Железные пальцы разжались на толщину деревянного шеста. Сорен провернул его и вытащил.

В зале над рынком зазвенела посуда. Платформа опустилась ещё на ладонь. Крыша лавки жалобно треснула.

— Все наружу! — крикнул начальник стражи.

Тейра осторожно выпрямилась. Она дышала через нос, не разжимая зубов.

— Селла, сколько осталось?

— Эту пластину второй раз не ставь. Левая готова, но тебе пока нельзя.

Тейра посмотрела на Грида. Тот пытался ухватить распухший стакан щипцами. Щипцы соскальзывали, каждый раз оставляя на меди свежие царапины.

— Я могу отвлечь её без приёма, — сказала Тейра.

— За стойкой, — ответил Сорен. — Без выхода на плиту.

Она подняла пустую пластину на ремне и ударила ею по железному краю платформы. Звук получился резким. Свет в голове дуги повернулся. Тейра уже двигалась вдоль стойки, прикрываясь её каменной частью. Рычаг потянулся за ней и упёрся в препятствие.

Кай подставил ещё один короткий толчок сбоку. Дуга открыла доступ к приёмнику, но лапа на другой стороне начала подниматься.

Грид выдернул стакан.

Из отверстия ударила струя серого света. Мастер бросил горячую деталь и закрыл отверстие ладонью в толстой рукавице. Рукавица задымилась.

Селла протянула зелёную нить к краю крышки.

— Грид, поставьте контакт на ребро! Только на ребро!

— Вторая лапа! — сказал Кай.

Сорен отскочил. Железная рука ударила в то место, где только что стояла его голень. Камень раскололся. Осколки посыпались на край ямы.

Кир вцепился в скамью. Тело уже собралось вставать. Лекарка положила ладонь ему на плечо, почти без усилия.

Он остался сидеть.

— На крышке четыре насечки, — сказал он. — Грид, вторая от края. Это отвод. Первая соединена с боковой веткой.

Мастер выругался, передвинул скобу. Зелёная нить натянулась. Селла не тянула сам металл; она удерживала подготовленное соединение, пока Грид другой рукой вставлял новый стакан.

На её приёмнике зажглись три деления из пяти.

— Держу. Быстрее.

Кай ушёл от второй лапы. Она задела его по плечу. Он ударился боком о тумбу, но не потерял опору. Печать вспыхнула, и следующий короткий вектор отвёл железные пальцы от его головы.

Четвёртое деление.

Грид поставил крышку. Она легла криво.

— Проволока под краем! — крикнула Селла.

Он приподнял крышку. Сорен вытащил старый обрывок пальцами. Кожа на его руке мгновенно покраснела. Крышка села на место.

Пятое деление не успело загореться.

Селла оборвала нить на внешнем контакте. Приёмник перестал принимать поток. Она отступила, прижимая руку к груди.

Дуга замерла.

Грид повернул запор на четверть оборота. Внутри опоры послышалось тяжёлое, медленное движение. Платформа выровнялась настолько, что крыша лавки перестала трещать.

Все ждали, что железные рёбра сложатся обратно в яму.

— Поддержание подтверждено, — произнёс страж.

Его правая лапа пошла к новому стакану.

Грид отступил. Кай присел у тумбы, берёт ударенное плечо. Тейра была слишком бледной, чтобы выходить ему на смену.

Из склада показался помощник Ивены.

— Боковая ветка живая! Переходит в нижнюю линию. Нашли наружный размыкатель!

— Опора выдержит? — спросила Ивена у Грида.

— На новом стакане — да. Эта ветка ей не нужна.

— Отключайте.

Дуга вытянулась к приёмнику. Сорен снова поддел лапу шестом. Она ударила по дереву, и верхняя часть шеста лопнула.

В арке склада щёлкнул размыкатель.

Белый свет погас. Железные рёбра просели. Одна лапа осталась зацеплена за платформу; Грид с Сореном осторожно сняли её вдвоём. Страж опустил в яму, оставив наверху овальную пластину с тремя пустыми отверстиями.

Только теперь Кир услышал, как плачет девочка за ограждением.

Она стояла возле женщины с разбитым рукавом и показывала на рассыпанный лук. По её словам, отец сердился бы, что они всё уронили. Женщина пыталась ответить, но не могла отдышаться. Лекарка ушла к ним, предварительно велев Киру оставаться на скамье.

Тейра подошла первой. Села рядом, осторожно сняла пустую пластину. На внутреннем крае крепления кожа покраснела.

— Сильно? — спросил Кир.

— Достаточно. Дай воды.

Он передал флягу. Она пила маленькими глотками, затем положила её себе на живот: холодная кожа фляги была приятнее ремня.

Селла присела на другой край. Смотрела на свою руку и шевелила пальцами. Нить оставила на ладони тонкую красную полосу.

— Скоба съехала, — сказала она. — Надо делать зубцы по краю. Грид скользил щипцами, а я не могла поправить, не теряя связь.

— Потом запишешь, — сказал Кир.

— Сейчас забуду, что именно.

Он открыл блокнот Тейры и записал. Под словом «зубцы» нарисовал край крышки. Селла посмотрела, исправила одну линию.

Кай подошёл, придерживая плечо.

— Места много, — сказала Тейра, сдвигаясь.

Он уселся на край скамьи, так что одна нога оказалась на земле, другая вытянулась в сторону. Кир не стал говорить, что помощь была хорошей. После площадки такое звучало бы слишком легко. Вместо этого спросил:

— Тумба выдержала?

— Не первая. На второй рукав порвал. Значит, всё-таки надо брать на размер больше.

Грид пришёл с медным стаканом, уже остывшим в ведре. Поставил его перед ними. Бок распух и треснул вдоль старой пайки. На дне виднелось клеймо: полукруг и три поперечные риски.

Вейр видел то же клеймо на изъятых отчётах. Кир перевернул свою копию схемы. Внизу листа стоял такой же знак.

Ивена попросила Грида не отдавать деталь в мастерскую. Писец, прибывший с верхним вагоном, завернул стакан в чистую ткань и опечатал. На площадке продолжали собирать рас-

сыпанный лук. Один из стражников поднял доску лавочной вывески и прислонил её к стене, чтобы никто не наступил на гвозди.

— Откуда у рынка эта линия? — спросила Ивена.

— Давняя, — ответил Грид. — Академия продавала избыток мастерским. Потом всё перестроили, а приёмники оставили. Орсы проверяли их каждый сезон. Мы им платили за уход.

— Кто подписывал последнее обслуживание?

Грид задумался.

— Не юный Севран, если вы об этом. Он у нас только с отцом когда-то ходил. Теперь распоряжения от Мартена идут.

Кир слышал имя впервые. Оно прозвучало буднично, среди разговоров о новых винтах и испорченном луке.

Ивена велела проверить остальные рынки. Грид назвал ещё три места. На третьем Тейра повернулась к Селле.

— Верхняя улица?

— Там мамина мастерская.

Селла поднялась слишком быстро. Рука дрогнула, она уронила ремень короба. Сорен поймал его, не давая коробу удариться о землю.

— Туда уже пошли, — сказал он. — Я провожу тебя. Кир и Тейра едут наверх.

— Мама будет ругаться, что меня сгоревшей принесли.

— Скажем, что ты сама дошла.

Тейра сжала здоровую руку подруги. Селла кивнула и пошла рядом с Сореном, стараясь не оборачиваться на короб. Его нёс Грид.

На обратном пути Кир сидел у окна вагона. Кай напротив держал на плече свёрнутый платок, смоченный водой. Тейра дремала, опустив голову на спинку. Возница отказался поднимать их по главной ветке и выбрал длинную, с двумя пересадками.

Над городом постепенно гасли огни грузовых подъёмников. Обычные окна продолжали светиться. В одном из дворов мужчина тянул ведро из колодца руками, а трое детей толкали длинную рукоять, радуясь возможности поучаствовать.

Кир посмотрел на свою ладонь. Круг оставался прежним.

На этот раз свет погас далеко от него, после обычного поворота размыкателя. Причина была понятной. От этого городская темнота не казалась менее серьёзной.

Кай заметил его взгляд.

— Ты же сегодня вообще ничего не делал печатью, — сказал он.

— Знаю.

— А смотреть всё равно хочется.

Кир поднял голову.

Кай смотрел на свою стрелу, в которой до сих пор оставался маленький пробел.

Вагон тронулся. Где-то внизу, в Академии и под ней, продолжали ходить четыре щелчка, пауза, четыре щелчка. Кир теперь знал: они могли закончиться и на рынке, рядом с мешками лука.

Глава 3. Плата за свет

Утром в Академии не было горячей воды.

Кир обнаружил это, уже намылив голову. Он стоял над тазом, с закрытыми глазами, и пытался определить, куда комендантша поставила кувшин. Сыт помогал: двигал предметы по столу с таким усердием, словно работал грузчиком на вчерашнем рынке. Кувшин он подтолкнул почти к самому краю.

— Ещё немного, и я буду умываться с пола, — сказал Кир.

Нитекус замер. Все три глаза смотрели в разные стороны. Кир нащупал ручку, полил голову и понял, что кувшин тоже успел остыть.

В столовой кашу выдавали гуще обычного. Повар объяснил, что печь теперь питалась дровами, а дрова принесли сырые. Возле двери ученики спорили: кому пришлось утром подниматься пешком, кто слышал, что нижние проходы уже открыли, и правда ли Кир снова погасил рынок.

— Нет, — сказал он, проходя мимо.

Одного слова оказалось недостаточно. Пришлось остановиться и объяснить про треснувший приёмник. Кто-то расстроился, кто-то вспомнил похожий случай дома. В конце разговора Кир получил совет менять стаканы каждые три года. Совет дал первокурсник, у которого отец чинил хлебные печи.

Кир записал. Пожалуй, сегодня это было полезнее слуха о его силе.

Тейра пришла с перевязанным предплечьем. Лекарка запретила ей ставить пластины до следующего осмотра, но разрешила ехать в Равель. Они обещали Нэре чай, и после вчерашнего было трудно искать причину не привезти его.

Селла уже находилась у матери. Ночью она передала записку: мастерская цела, младший брат разочарован, потому что надеялся увидеть железного стража. Внизу был рисунок огромной дуги, а под ней крошечный человек, размахивающий ложкой. Кир не сразу понял, что человек — он. Селла подписала: «Наблюдает».

Тейра смеялась осторожно. В животе у неё ещё оставалась тупая боль после вчерашнего удара.

Они купили чай у женщины, умевшей высушивать листья одним прикосновением. Рядом торговал её муж. Его дар позволял узнавать испорченные орехи, поэтому половину времени супруги спорили, кому досталась более полезная работа. Женщина завернула покупку в бумагу и призналась, что никогда не была под Академией.

— И не пойду. У меня кладовая низкая, уже достаточно приключений.

Нэра открыла дверь почти сразу. Её внук выглянул из-за плеча и спросил, помнит ли Кир, сколько фигур у него осталось.

— Три, — ответил Кир.

— Две. Третью я забрал.

— Значит, надеялся забыть.

Мальчик удовлетворённо кивнул и убежал за доской.

В мастерской стало холоднее. Тёплый камень лежал у чайника, но Нэра берегла его для вечера. За окном рабочие устанавливали обычную железную печь. Один держал дымовую трубу, второй ругался на первый снег, которого ещё не было: по его мнению, снег всегда начинался именно в день, когда заканчивались подходящие трубы.

Тейра взялась помогать с переплётами. Ей досталась работа без дара: вкладывать между листами тонкую бумагу, чтобы свежий клей не стянул соседние страницы. Кир сидел за доской. Мальчик уверенно двинул первую фигуру и вдруг спросил:

— А человеку можно вернуть свет, если он долго сидел внизу?

Кир поднял глаза.

— Смотря что ты называешь светом.

— Бабушка сказала, вы кого-то вытаскиваете. Ей там, наверное, скучно.

Нэра остановила мальчика взглядом, но Кир уже ответил:

— Мы пока не знаем, как она живёт. Поэтому сначала спросили.

Мальчик обдумал это.

— Я бы спросил про еду. Если еды нет, быстрее надо.

— Спросим и про еду.

Партия закончилась быстро. Кир потерял две оставшиеся фигуры, потому что слишком часто смотрел на трубу за окном. Мальчик предложил начать новую и обещал сделать вид, что не знает одной хитрости. Нэра велела сначала выпить чай.

На стене висела пластина с яблоневым утром. Кир помнил её: муж Нэры сохранил тот день, когда они ещё могли вместе пройти к дереву за домом. Теперь на пластине чуть помутнел правый край. Старушка увидела, куда он смотрит.

— Отнести бы на чистку. Всё откладываю.

— Её тоже питает нижняя линия? — спросила Тейра.

— Нет, милая. У этой своя память. И свой счёт за чистку.

Она сказала это с улыбкой, но убрала чайник подальше от края: за столом не хватало места для книги расходов, раскрытой на осенних платежах. Кир заметил строки за печь, доставку трубы и дрова. Пластина оставалась ниже, без суммы.

Когда они уходили, внук дал Киру бумажный пакетик с яблочными ломтиками.

— Для той женщины. Они сухие. Не пропадут.

Кир положил пакетик в карман.

Возле швейной мастерской сидела Селла. Она одной рукой штопала рукав Кая. Дар шва принадлежал Рону, у Селлы была обычная игла, и работа шла медленно. Кир остановился на пороге, увидев иглу над тканью. Тейра не подтолкнула его войти. Стала рассматривать вывеску, пока он сам не сделал шаг.

Мать Селлы пригласила их к столу. В большой миске лежала картошка с семенами острого растения, которые раскрывались во рту и на миг освещали язык. Младший брат Селлы старался зажечь сразу три. У него пока получалось только кашлять.

— Вчерашних железок ему мало, — сказала мать. — Теперь хочет гореть изнутри.

Селла отложила рукав. На столе рядом с ней стояли обычные деревянные катушки, медные обрезки, новая крышка от приёмника. Она спросила Кира про зубцы. Он показал рисунок.

— Сделаем зажим, который можно поставить одной рукой, — сказала она. — Грид отдаст старые стаканы. Их надо перепаять, но медь хорошая.

— И кто перепаяет? — спросила мать.

— Я хотела попросить мастера из Академии.

— «Попросить» — это какая цена?

Селла вздохнула. Кир понял, что этот разговор начался задолго до их прихода.

Мать взяла пустой лист и разделила его на две части. Слева записала материалы, справа — работу. В работе появились часы мастера, место у печи, доставка, осмотр. Сумма оказалась заметно выше той, которую Селла называла в комиссии.

— Ты не одна у печи сидишь, — сказала мать. — Он будет ждать, пока ты поправишь рисунок. Платить ему всё равно надо.

Селла опустила глаза. Потом попросила второй лист и переписала расчёт.

Кир доел картошку. На языке свет уже исчез, а острота оставалась. Он думал о том, что Нэра отложила чистку памяти, мать Селлы считала часы у печи, а в верхнем кабинете словом «материалы» можно было закрыть половину этих вещей.

После еды мать Селлы попросила отнести на соседнюю улицу два тёплых чехла. Их заказала хозяйка маленькой чайной, где теперь остывала вода. Заказ был срочный, и все свободные посыльные таскали печные трубы. Селла хотела пойти сама, однако игла ещё лежала рядом с недошитым рукавом Кая, а ладонь начинала ныть. Тейра взяла оба чехла. Киру достался лист с отметкой о получении.

До чайной было недалеко, но улица уходила вверх. Там, где обычно ездил маленький грузовой подъёмник, стояла очередь людей с тележками. Они смотрели на пустую платформу, потом передвигали вещи на боковую лестницу. На лестнице можно было пройти по одному. Мужчина с узкой печатью у уха пытался помогать сразу трём, угадывая скрип осей по звуку. В конце концов присел на ступеньку и объявил, что его дар не умеет одновременно слушать тележки и крики владельцев.

Кир задержался у нижнего края. У одной тележки колесо шло боком. Он показал владельцу ослабшую гайку. Тот в ответ спросил, нельзя ли просто поддержать колесо даром до конца улицы. Кир сказал, что не умеет. Мужчина кивнул, полез за обычным ключом и уже через мгновение забыл об отказе.

Тейра наблюдала за ним с лёгкой улыбкой.

— Иногда люди принимают это быстрее, чем мы ожидаем.

— Потому что у него есть ключ, — сказал Кир.

— И потому что колесо всё равно нужно чинить.

В чайной было пусто. Две женщины мыли чашки в холодной воде. У дальней стены стояла хозяйка, полная, с коротко подвязанными волосами. На запястьях светились три маленькие точки. Она держала чашку между ладонями, ждала, когда вода согреется, и передавала её одной из работниц. От чашки поднимался слабый пар.

— Уна, — представилась хозяйка. — Чехлы сюда. Как хорошо, что Селла помнит про меня.

Тейра развернула ткань. Чехол оказался сшит из нескольких слоёв, между которыми оставили мягкие воздушные карманы. Уна надела один на небольшой чайник, второй — на кувшин. Снова взяла чашку, стала ждать.

— Всё так греете? — спросил Кир.

— Всё понемногу. Дар у меня на одну чашку. Не на кухню. Удобно гостю подогреть, если долго сидит. Сегодня гостей мало, зато работа вся моя.

Кир увидел на столе длинный список заказов. Многие были зачёркнуты. Из угла выглядывал большой холодный самовар. Его обычную топку сняли при перестройке: мастер тогда уверял, что новая линия будет удобнее и дешевле. Уна рассказала об этом без особой злости. Ей больше мешало, что запасная топка осталась в мастерской, а ту мастерскую закрыли из-за вчерашнего происшествия.

Тейра спросила, можно ли вернуть самовар к прежней работе. Уна вытащила из ящика старый рисунок и объяснила, где отсутствует деталь. Кир присел, помог развернуть бумагу. На рисунке было три простых соединения. Он мог их понять. Не мог изготовить недостающую часть, пока не найдутся металл, мастер и время.

Слова вдруг приобрели неприятно точный смысл.

В Академии ожидание часто означало, что кто-то старший ещё не выдал разрешение. Здесь ждали потому, что один мастер сломал руку, второй занят трубами, третий закрыт вместе со складом. Решение не появлялось от того, что человек достаточно хорошо объяснил свою нужду.

Кир переписал размеры отсутствующей детали. Уна назвала мастерскую, где её могли хранить. Тейра пообещала передать Гриду. Хозяйка поблагодарила, но на лице осталось сомнение: к городскому мастеру сегодня направляли слишком много обещаний.

Уна предложила им чай.

— Не сейчас, — сказала Тейра. — Вы же каждую чашку руками.

— Вот поэтому и сейчас. Иначе буду думать, что весь день грею только воду для мытья.

Она поставила перед ними две чашки. Сама взяла третью, пока холодную, и села напротив. Через несколько минут вода у неё потеплела. Кир видел, как светятся маленькие точки, совсем не похожие на сильные печати учебной арены. Полезная, утомительная работа уместилась в этих трёх точках.

Тейра рассказала про медные отводы. Уна слушала внимательно, спросила, можно ли такой сделать возле чайника. Селла позднее ответит на это лучше, но Тейра сразу предупредила: они отводят лишнее, а не создают тепло. Хозяйка кивнула.

— Тогда оставим лишнее тем, у кого оно есть. Мне пока бы обычную топку.

Кир записал ещё один адрес.

Когда они вышли, на лестнице всё ещё тащили тележки. Человек со звуковым даром уже отдыхал. Вместо него двое подростков переставляли под колёса короткие доски. Работали за несколько монет с каждого груза. Один окликнул Кира, решив, что перед ним тоже есть место на лестнице. Кир показал повязку и покачал головой.

Подросток потерял интерес. Позвал другого.

Тейра не сказала, что это было грубо. Они дошли до нижней скамьи, сели. Кир смотрел на очередь и думал, как легко вчерашняя помощь становится историей о чужой силе, пока сегодня приходится платить за две обычные руки.

— Если бы Мартен дал всё сразу, — сказал он, — здесь уже ходила бы платформа.

— Возможно, — ответила Тейра.

— И Уна грела бы чайник.

— Возможно.

Он посмотрел на неё.

— Ты не собираешься сказать, что всё равно нельзя?

Тейра покрутила пустой край ремня.

— Я хочу сначала прочесть, за что он попросит заплатить. Эти люди не обязаны знать устройство нижнего узла, чтобы хотеть тёплый чай. Мы обязаны, потому что идём туда.

Кир кивнул. Достал запись о самоваре, положил её к схеме. Рядом с неизвестным оператором появилась ещё одна понятная вещь, которую хотелось вернуть на место.

После полудня их позвали к Ивене. В зале городской службы пахло свежими дровами. Вдоль стен сидели владельцы мастерских, несколько преподавателей, Грид с перевязанной рукой и женщина из рыночной лавки. У её стула стояли костыли.

Напротив Ивены расположился широкоплечий мужчина в сером пальто. Он не выглядел ни сердитым, ни торжествующим. Держал перед собой тонкую папку и слушал, как секретарь перечисляет повреждённые приёмники.

— Мартен Орс, — представила его Ивена, когда ученики вошли. — Распорядитель мастерских.

Мартен встал. У него была большая рука с короткими крепкими пальцами. Киру он пожал ладонь без попытки задержать её. Тейре и Селле кивнул.

— Вчера вы сделали работу, которой следовало заниматься нашим мастерам. Приношу сожаление за задержку.

— За задержку или за приёмник? — спросил Грид.

— Пока за задержку. Причину повреждения ещё устанавливают.

Ивена положила на стол акт последнего обслуживания. Мартен не потянулся его брать.

— Здесь ваша подпись.

— И перечень осмотренных частей. Рабочий стакан осмотрен. Нижняя линия в этот перечень не входила.

— Вчера она оказалась рабочей.

— Поэтому я здесь.

Он открыл папку. Готовые листы, аккуратные цифры, несколько подписей. Кир узнавал такой порядок. Севран тоже умел положить перед человеком то, что уже выглядело решением.

Орсы предлагали заменить городские приёмники, дать медь для отводов и оплачивать работу мастеров до конца обследования. В обмен мастерские получали право хранить находки нижнего комплекса и обслуживать единственный действующий канал из глубины. Представитель Палаты мог присутствовать при снятии показаний.

Селла перестала шевелить карандашом. Кир видел в списке ровно те детали, которые она утром считала с матерью. Вместо старой перепайки можно было получить новую медь. Вместо ожидания у общей печи — собственное время мастера.

— Живой человек тоже проходит по находкам? — спросила Тейра.

Мартен посмотрел на неё.

— Разумеется, нет.

— В вашем листе это не написано.

— Допишем.

— А право её отключить будет у кого?

Он сложил руки.

— Любое опасное оборудование должен обслуживать подготовленный специалист.

— Которого назначите вы? — спросила Ивена.

— У меня есть мастерские. Печи. Люди, получающие жалованье. У города сейчас есть холодный рынок и ваши запрещающие листы. Если мы ждём независимого решения по каждому винту, следующую седмицу проведём на дровах.

Кир посмотрел на женщину с костылями. Она не участвовала в споре. Держала мешочек с деньгами и слегка перебирала шнурок. Наверное, ей уже хотелось возвращаться в лавку, а не выяснять, чья подпись определит судьбу неизвестного канала.

Ивена перелистнула предложение.

— Городские приёмники вы можете заменить по отдельному договору. Обследование нижнего комплекса оплатят город и Академия. Условия хранения находок определим после осмотра.

— Я тогда не обещаю ни особой цены, ни срока.

— Запишите цену и срок, которые можете обещать.

Мартен вытащил другой лист. Он был готов и к этому ответу.

Суммы стали выше. Сроки — длиннее. Несколько владельцев мастерских заговорили одновременно. Ивена дала каждому закончить. Грид спорил о том, сколько запасных стаканов осталось на складе. Селла подняла руку и попросила слово.

Она рассказала про старую медь. Про зажимы, которые можно изготовить без нового литья. Про часть работы, которую мастерская её матери согласна взять за плату. Голос поначалу дрожал, но на слове «плата» стал твёрже.

Мартен спросил о пропускной способности. Селла ответила точно. Про гарантию — тоже. В третьем ответе она признала, что старые стаканы придётся испытывать по отдельности.

— То есть обещанного срока у вас тоже нет, — сказал он.

— Есть время на первую партию. Остальное скажу после проверки.

Грид кивнул. Это был маленький кивок, но Селла заметила.

До вечера составили общий список. Академия выделяла меньше меди, чем предлагали Орсы. Город давал людей для наружных опор. Некоторые приёмники снимали с неработающих складов. Их владельцам оставляли расписки и обещание вернуть исправные детали. Кир видел, как секретарь исправлял очередное слово: сначала «изъятие», потом «временное использование».

Люди за столом соглашались неохотно. Однако соглашались.

Мартен задержался возле двери, когда ученики выходили.

— Если расчёт изменится, предложение остаётся, — сказал он Селле. — Хорошая работа заслуживает хорошего оснащения.

Она прижала папку к груди.

— Я пришлю расчёт зажимов. Их можно купить отдельно.

Кир едва не улыбнулся. Мартен улыбнулся раньше него.

— Пришли.

В Академии их ждали Дан и Мира.

Кир увидел мать на нижней лестнице. Она держала свёрток с полотенцами; отец нёс небольшой деревянный ящик. Оба посмотрели сначала на его лицо, потом на походку. Кир понял, что не сможет отделаться словами о том, что всё хорошо.

— Ребро болит, когда смеюсь и быстро встаю. Рукой уже двигаю. Вниз меня пока не пускают.

Мира выдохнула.

— Вот теперь можно обнимать.

Она обняла его осторожно, но долго. Дан положил ладонь ему на затылок, как в детстве, когда проверял, не вырос ли сын за время короткого отсутствия.

В ящике оказались застёжки. Простые, с широким язычком, который открывался одним большим пальцем. Дан делал их по размеру старого ремня, но добавил ещё несколько, для чужих рук. На одной вместо гладкого края были глубокие насечки.

— В перчатке удобнее, — объяснил он. — Только проверить надо. Я тут один пробовал.

Тейра показала отцу ожог на предплечье и сказала, где ремень давил после отвода. Дан попросил оставить старую застёжку. Селла достала рисунок зажима, и они сразу начали спорить о ширине ушка.

Мира слушала, как Кир рассказывает о Лиор. Не прерывала. Когда он закончил, спросила, что женщина ест.

Кир достал из кармана пакетик с яблочными ломтиками.

— Завтра узнаем, — сказал он.

Родители остались до последнего вечернего вагона. После их ухода Кир нашёл в свёртке две рубашки и маленькую банку варенья. На крышке Мира написала: «Для тебя. Не всё отдавать Сыту».

Он прочёл записку нитекусу. Тот посмотрел на банку с полным отсутствием согласия.

За окном город пробовал жить с новыми печами. Дым стелился между мостами, и свет в нескольких кварталах стал желтее обычного. Кир открыл схему нижнего узла. На полях теперь стояли чужие имена: Грид, Нэра, мать Селлы, женщина с костылями. Он не собирался вписывать их в Карту Шрамов. Просто хотел помнить, кто ждал, пока они решат, как идти дальше.

Глава 4. Ответ Вейра

На новый вопрос Лиор ответила тремя словами:

— Еда есть. Вода тоже.

Потом попросила убавить поток во внешнем отводе на одну черту. Грид с мастером Академии проверили просьбу на верхнем приёмнике, и стрелка нагрева медленно пошла вниз. Лиор вернулась на связь вечером. Сказала, что теперь может оставить рукоять на опоре и поспать.

Сорен слушал это, сидя ровно. После записи он вышел на мост и долго смотрел в Расщелину. Кир не пошёл за ним: Ивена оставила на столе ещё одну пачку документов, и в этой работе хватало того, что он действительно мог сделать.

Тетрадь с делом Н-8 пахла пылью и старым клеем.

Её принесли из независимого архива вместе с двумя счетами за переоборудование. На первой странице стояло имя: Арден Валь. Ниже — возраст на момент регистрации, отметка об отсутствии печати, перечень испытаний. Кир перевернул страницу и увидел знакомую структуру. Давление, температура, ограничение дыхания. Время между повторениями. Результат. Под словом «результат» почти не осталось пустого места.

— Это до Лиор? — спросил он.

— Да, — ответил Вейр.

Они сидели в читальне, которую на время отвели комиссии. Старые столы стояли отдельно от архивных шкафов. Селла разбирала расходные листы у окна, Тейра выписывала ограничения приёмников. Сорен вернулся с моста и остался у двери.

Вейр положил рядом с тетрадью свой проект.

— Н-8 пережил принудительное закрепление. В сводку внесли восстановление рабочего контура. Затем дело передали нижней лаборатории.

— Восстановление чего? — спросила Тейра. — Его состояния или возможности работать?

Вейр молчал так долго, что Кир решил: ответа нет.

— В сводке — второе. Я считал, что первое следует из него.

Сорен отошёл от двери.

— Ты получил это дело, когда учил Лиор.

— Получил сокращённый отчёт. Полное дело сейчас перед нами.

— И тебе хватило сокращённого.

— Хватило.

Ответ не дал облегчения. Кир прочёл следующую строку. Приём пищи — без отклонений. Исполнение команд — восстановлено. Узнавание собственного имени — непостоянно. Последний пункт был обведён, однако заключение оставалось положительным.

Арден умел делать то, чего от него требовали. Значит, кто-то решил, что с ним всё в порядке.

Кир перевернул лист осторожнее.

Под вклеенной схемой находился рисунок нижнего оборудования: две камеры, соединённые общей рамой. Рядом от руки добавили ещё одну, меньшую. Там стояла фигура человека, а от плеч шли линии к пластинам. Схема выглядела почти безобидно. Так рисовали ученика, который держит груз на практическом занятии.

— Узел закрепления, — сказал Вейр. — Для нестабильных контуров. Он должен был удерживать один ответ, пока человек учится согласовывать остальные.

— А если человек не учится? — спросил Кир.

— Тогда удержание продолжается.

— Сколько?

Вейр посмотрел на дату под рисунком.

— Здесь предела не указали.

Селла отложила расходные листы.

Кир вспомнил Рона и зашитый рукав. Пока соединение держалось, в нём можно было принять вынужденную неподвижность за удобство. Достаточно не спрашивать, что происходит с кожей под тканью.

Тейра подтянула к себе полный отчёт и стала читать с начала. Никто не мешал ей. В комнате скрипело перо писца, за окном рабочие снимали перегоревший фонарь. Обычные звуки оставались непривычно громкими.

Вейр заговорил снова:

— Я предложил закреплять конфликтующие ответы отдельно. Часть этой схемы построена по моим расчётам.

Сорен поднял глаза.

— В деле ты это отметил?

— В своём объяснении комиссии. Теперь показал вам место.

Он взял карандаш, подписал две линии и отдал лист Тейре. Не подержал у себя ещё мгновение, чтобы пояснить, как много работы вложено в линии. Кир заметил именно это.

— Лиор тоже должна была туда попасть, — сказал Сорен.

— Её туда не отправляли.

— Она дошла сама после того, что мы сделали.

Вейр опустил руку.

— Да.

Никто не попросил Сорена успокоиться. Он и так говорил негромко. Но когда подошёл к столу, обе ладони положил на свободное место, не касаясь тетради.

— Если мы её найдём, ты не будешь решать за неё, что считается восстановлением.

— Не буду, — ответил Вейр.

Ивена, пришедшая с мастером, услышала последние слова.

— Запишем в условия работы. Для всех.

В тот день они обнаружили галерею наблюдения.

Кир нашёл её в счёте. Среди оплаченных работ стояли шесть стеклянных секций, поручень и речевая труба. В старой схеме для этого не было помещения. На поздней поправке возле второй камеры находился узкий пустой прямоугольник, который все приняли за толщину стены.

Он наложил листы на окно. Рисунки не совпадали: на одном масштабы сделали по длине внешнего коридора, на другом — по размеру камеры. Кир трижды переставлял бумагу, пока поручень не оказался напротив боковой лестницы.

— Здесь можно пройти, не открывая главные ворота, — сказал он.

Мастер взял листы, проверил размеры. Потом позвал Грида. К вечеру на столе лежала новая копия, с исправленным масштабом и двумя вопросительными знаками вместо уверенной линии.

Один знак относился к опоре лестницы. Второй — к служебной охране.

Служебная охрана на рынке уже показала, что считала разбор запрещённым даже после аварии. Теперь требовалось пройти к Лиор с оборудованием, которое та же охрана могла признать попыткой вмешательства.

Кай явился на следующий день. Его плечо ещё болело, поэтому пришёл он без учебного ремня. Положил на стол список собственных ограничений.

— Меня спрашивали, где я могу удержат направление. Я написал, где не могу.

Ивена прочла список и кивнула.

Дерен прибыл позже. У него на сапогах была глина, а в руках — мерная верёвка. Он только что помогал разгружать железные печи, и с нижними опорами уже познакомился лучше многих взрослых мастеров.

— Живой контур утяжело в размеченной зоне, — сказал он. — Камень отдельно. Три опоры одновременно не обещаю. Если вам нужны три, берите трёх людей.

— Нам нужен тот, кто скажет, когда опора перестанет быть опорой, — ответил Грид.

Дерен улыбнулся впервые с прихода.

Им ещё предстояло получить разрешение на спуск. Первые проверки проходили наверху, с грузами и пустой рамой. Кир наблюдал, делал записи, иногда переставлял маленькие деревянные метки. Лекарка разрешила это, отдельно отметив, что метки нельзя заменять камнями.

На первую открытую проверку Кая пришёл отец.

Кир увидел его у нижнего окна, когда мастер ещё укладывал грузы. Высокий мужчина в стражническом воротнике держал ладони за спиной. Из вещей, которые отец Кира принёс бы с собой, у него не было ничего: ни ящика с застёжками, ни свёртка, ни хлеба на дорогу. Зато он сразу заметил ограничитель на руке сына и спросил, почему ставят такую низкую ступень.

— Проверяем наружную поддержку, — ответил Сорен. — На спуске нельзя пользоваться полной силой возле людей и накопителей.

— Я спрашиваю не про спуск. Я спрашиваю, что он сейчас покажет.

Кай стоял у рамы, смотрел на грузы. Кир заметил, как у него изменились плечи. Почти незаметно, однако знакомо: так он собирался перед большим импульсом, который должен был закончить спор без следующего вопроса.

На раме висели три мешка. Разные по весу, они медленно двигались на верёвках. Каю предстояло удерживать один выбранный мешок в пределах узкого пространства и каждый раз менять опору после команды. Если мешок выходил за границу, пробу прекращали. Внизу лежал песок, поэтому даже неудача никому не разбивала ноги.

Сорен дал первую команду. Кай упёрся в каменную пятку и направил малый вектор поперёк движения. Мешок вернулся в границу. Вторая команда отправила Кая на соседнюю опору. Он переставил ногу, дождался, когда раскачается верёвка, помог снова. Третья требовала отпустить и перейти к самому лёгкому мешку.

Отец смотрел, не говоря ни слова. От его молчания Кир почему-то напрягался больше, чем от замечания об ограничителе. В Талвере Дан тоже иногда молчал над работой, но обычно это означало, что ищет, где подкрутить винт. Здесь тишина выглядела как ещё одна шкала, на которой сын всё время должен был поднимать отметку.

У Кая четвёртый ход получился слишком сильным. Мешок ушёл к верхнему краю. Он успел перехватить направление, однако для этого остался на прежней опоре после новой команды.

— Стой, — сказал Сорен.

Кай сразу убрал вектор.

Мешок упал в песок.

Отец шагнул к раме.

— Ты бы удержал.

Кай посмотрел на мешок.

— Возможно.

— Удержал бы. У тебя есть ещё ступень. Почему отпустил?

— Потому что мне сказали остановиться.

— На нижнем рынке кто-то тоже будет считать ступени? Когда опора падает на людей?

Кир вспомнил рынок: рукав Кая, камень под его ногой, два заряженных приёмника рядом. Там как раз оказалось важно не дать одну большую силу всему сразу. Он хотел вме-

шаться, но Сорен чуть повернул голову. Не запрещая. Просто показывая, что сейчас вопрос направлен к другому человеку.

Кай вытащил мешок из песка и повесил назад.

— На рынке я менял направление, — сказал он. — Там нельзя было бить по всему стражу. Платформа держала крышу.

— Мне уже рассказали.

— Тогда ты знаешь, почему ограничитель.

Отец подошёл ближе. Кир увидел на его запястье старый след ожога. Печать пряталась под воротником, но ожог оставался видимым, словно мужчина намеренно не закрывал его манжетой.

— Я знаю, что людей вытаскивают те, у кого остаётся сила, — сказал он. — И что в Страже потом не слушают объяснение, почему тебе не дали нужную ступень.

Кай стоял напротив, держа край верёвки. Тонкая ткань ремня под ограничителем намочила от пота.

— Я хочу научиться оставлять силу после первого толчка.

— Ты уже должен уметь.

— Значит, проверим ещё раз.

Он не посмотрел на Кира. Не попросил Сорена защитить его ответ. Повесил лёгкий мешок, проверил узел и встал на первую опору. Сорен дал ту же последовательность, изменив время команд.

В этот раз Кай двигался медленнее. Лёгкий мешок несколько раз уходил слишком близко к краю. Можно было решить всё большим импульсом. Кир почти чувствовал, как хочется это сделать: бросить в тихого зрителя один убедительный результат. Кай возвращал мешок короткими движениями, иногда пропускал удобный миг и догонял следующим.

На последней команде опора под его ногой была мокрой. Мастер заранее полил камень, чтобы проверить смену поверхности. Кай заметил блеск, остановил движение, выбрал другой край. Потерял часть времени, зато не получил ложного направления от скользящей подошвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.